

МЕЛИССА БЭНК

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ДЕВУШЕК

ПО ОХОТЕ
И РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

Настоящая сенсация!

Мелисса Бэнк

**Руководство для девушек
по охоте и рыбной ловле**

«АСТ»

1999

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бэнк М.

Руководство для девушек по охоте и рыбной ловле / М. Бэнк —
«АСТ», 1999 — (Настоящая сенсация!)

ISBN 978-5-17-104688-0

В книгу вошли рассказы современной популярной американской писательницы Мелиссы Бэнк. После выхода в свет этот сборник был назван бестселлером на страницах газет и журналов. Объединенное общими темами и героями и написанное с тонким вкусом, это повествование представляет собой своеобразный «женский взгляд» на окружающий мир.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-104688-0

© Бэнк М., 1999
© АСТ, 1999

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мелисса Бэнк

Руководство для девушек по охоте и рыбной ловле

Моим невымышленным советчицам

Девушки, примите мою признательность за реальную помощь и невыдуманную поддержку! Адриенн Броудер, Кэрол ДеСанкти, Кэрол Фиорино, Молли Фридрих, Джуди Катц и Анна Уингфилд – спасибо вам!

*Искусство незатейливо утраты
Уносит от привычных берегов
И всё, и всех – дела, места и даты.*

*Тут каждый день – разъятым циферблатом
Ключей оброненных и времени, и слов.
Искусство незатейливо утраты.*

*Зову отца... Тот адрес с адресатом —
Их большие нет. И суть, и кровь, и кров —
Всё канет, всё – дела, места и даты.*

*Вот мамыны часы, окно с закатом,
Как я любила их! Прости, любовь.
Искусство незатейливо утраты.*

*Река, два города, родных когда-то,
Да целый мир, из яви и из снов!
И все же я держусь у края ската.*

*Но если вдруг финальной утратой
Мы распадется эхом голосов
На я и ты, тогда, в конце концов,
Ты знай – мне не спастись у края ската.*

Элизабет Бишоп. «Одно искусство» из книги «Сборник стихотворений» (1927—1979)

Глава 1

Первые старты

*Дома позволительно расслабиться и быть собой. Это не значит, однако, что можно злоупотреблять любовью и привязанностью, которые испытывают к нам другие члены семьи.
Д. Лессенберри, Дж. Кроуфорд, Л. Эриксон. Пособие по машинописи для нашего двадцатого века*

Первая настоящая девушка моего брата была на восемь лет его старше – двадцать восемь против двадцати. Ее звали Джулия Каткарт; мы это выяснили в июне. Они приехали из Манхэттена к нам в Лавлейдис, что на океанском побережье Нью-Джерси. Когда на подъездной

дорожке появилась его любимая машинка с откидным верхом, за рулем сидела именно она. Мы с мамой подсматривали из кухонного окна.

Я заметила:

– Он позволяет ей водить свою машину.

Они даже одеты были похоже: свободные белые рубашки, заправленные в джинсы, – только у нее еще накинутый на плечи черный кашемировый свитер.

Джулия была темноглазой, с высокими скулами, чудесной бледной кожей, и на щеках горел яркий румянец – как у больного ребенка. Волосы собраны в хвост, небрежно схваченный кружевной лентой, в ушах – крошечные жемчужинки.

Я думала, что она будет выглядеть старше, чем Генри; однако старше, чем Генри, выглядел сам Генри. Там, рядом с ней, брат казался совсем взрослым. Отрастил бороду, нацепил темные очки в металлической оправе: этакий богатый прожигатель жизни, а вовсе не студент-философ. Волосы он тоже отрастил; они не до конца выгорели, а были рыжевато-коричневого цвета, как у ирландского сеттера.

Он чмокнул меня в щеку, затем кинулся обниматься с Цезарем, нашим эрделем, пока мама и его барышня пожимали руки. Они соприкоснулись только кончиками пальцев, по-дамски, с сердечными улыбками – словно душевные подруги, которые уже готовы друг друга нежно полюбить и только ждут повода.

Джулия повернулась ко мне:

– А ты, должно быть, Дженни?

– Сейчас меня в основном называют Джен. – Кажется, это прозвучало совсем по-детски.

Она не спорила.

– Джен. – Так взрослые пытаются поладить с детьми.

Генри открыл багажник и начал выгружать сумки, большие и маленькие, нечто, перевязанное бечевкой, рюкзак. Он как раз заводил машину в гараж, и Джулия его окликнула:

– Хэнк, а вино есть?

Хэнк он там оказался или не Хэнк, вино он нашел.

Кроме спален и затененного крыльца-веранды, в доме был большой общий зал. По нему Генри устроил для своей девушки шуточную экскурсию.

Он показал на диван.

– Здесь у нас гостиная. – Помолчал и кивнул на диван снова. – А еще гнездышко, логово и берлога.

Джулия сидела на крыльце, вытянув ноги в темно-синих сандалиях – Одри Хепберн, отдыхающая после урока танцев. На ногах у Генри были лоферы на босу ногу, и я заметила, что в кожаной полоске с прорезью, куда обычно вставляют монетку, у него засунут жетон от метро.

Джулия глотнула чаю со льдом и спросила, откуда взялось название «Лавлейдис». Мы не знали, однако Генри ответил:

– Еще со времен индейцев.

Она улыбнулась и спросила маму, как давно мы сюда переехали.

– Первый год.

Папа играл в теннис, и никто не помешал мне добавить с намеком:

– Раньше мы ездили на остров Нантакет.

– Там красиво, – сказала Джулия.

– Красиво, – согласилась мама и принялась цитировать нудную рекламу о достоинствах Нью-Джерси.

Главным достоинством была близость к нашему дому в Филадельфии.

Когда мы в последний раз спорили, куда ехать, я сгоряча предложила, раз уж Нантакет не подходит, вообще ограничиться такой дикой дырой, как Кэмден. А что, еще ближе к дому, и вообще все близко. Я даже чуть было не добавила, что там и до мусорной свалки рукой подать.

Спасибо, отец меня перебил.

Могло показаться, что он зол; но нет, голос звучал ровно. Чем хорошо побережье – туда можно ездить круглый год, что способствует сплочению семьи.

– Как все запущено, – буркнула я, желая разрядить разговор.

Мама мне улыбнулась и заметила, что дом стоит прямо у воды. И можно нырять практически с самого крыльца!

К моменту того спора дом они уже выбрали; выбрали – и послали запрос владельцам. Впрочем, это я поняла позже. А тогда просто уточнила:

– А что там, океан?

– Океан тоже близко. – Мама старалась не терять воодушевления.

Я вздохнула:

– Залив.

– И на залив вид изумительный. А наш дом стоит на канале. Совсем как Венеция. Каналы и лагуна.

Впрочем, эти названия мне ни о чем не говорили.

И вот сейчас Джулия спросила, довелось ли нам тут поплавать, и мама ответила:

– Само собой.

Мне не хотелось портить маме светскую беседу, но лагуна была вся в нефтяных пятнах, а дно загажено так, что не ступить.

Все это время Генри сидел с нами на крыльце. Удивительно.

Мама завела разговор на «летние» темы, коснувшись таких противоречивых вопросов, как урожайность кукурузы (лучший сорт – «Серебряная королева»), засилье moskitov (раздражают) и теннис (отличная тренировка).

Наконец Генри все-таки встал. Решительно спустился по ступенькам, словно его ждали срочные дела. Возможно, он собирался проверить мои ловушки на крабов или посмотреть, прихватили ли мы с собой велосипеды; да что угодно. Отец вел себя в точности так же: дом полон гостей, требуется всех угостить, занять разговором, развлечь – и, само собой, это обязанность мамы. А папа спокойно отправляется вздремнуть или почитать.

Так что сейчас разыгрывалась привычная сцена: мама в роли хозяйки; девушка брата – в роли гостьи. А младшая сестра сбежит за кулисы. Я дождалась паузы в их щебете и виновато улыбнулась: «Простите, дорогие. Я бы и рада побыть с вами подольше, но там без меня человечество в опасности».

На обед были пойманные мной у доков крабы. Мама застелила стол газетой, и мы все измазались в типографской краске. Как ни странно, мама подала на стол молочные початки «Серебряной королевы». Брат, на удивление, ел нормально. Обычно он торопится, словно на пожар, и очень даже запросто может использовать кукурузины как барабанные палочки.

Мама расспрашивала Джулию про семью. Есть брат, живет в Сан-Франциско; сестра в Париже. Оба *планируют посетить* ежегодный *гала-вечер*, который ее мама *дает* в Саутгемптоне. Джулия осторожно подбирала слова; некоторые я прежде только в словаре и видала. *Леди-словарь*.

Мама строго посмотрела на меня: *не ухмыляйся*.

Однако медлительной Джулия была только в подборе слов: своих крабов она почистила вдвое быстрее остальных. Я спросила, как это ей удастся. Она показала мне выступ на брюшке краба. За него надо потянуть, и тогда панцирь прямо сам сходит. Генри тоже наклонился и смотрел.

Отец спросил насчет издательства, где они работали с Генри. Джулия сказала: ее начальник – отменный редактор и истинный джентльмен.

Генри ехидно добавил:

– Каждое утро, когда мы проверяем почту, мистер Макбрайд заглядывает к нам и спрашивает: «Ну что, ребятки, нарыли сокровища?»

Я видела этого отменного редактора и истинного джентльмена, когда навещала Генри. И сейчас не удержалась:

– Он считает, что мой брат незаменим. А еще обзывает Тюдором.

Отец пробормотал себе под нос:

– Хэнк Тюдор.

– Мистера Макбрайда можно извинить, – сказала Джулия. – Он *ревнитель* британской истории и персона очень преклонного возраста.

Я подумала: *«Гала-вечер посетят отменные персоны преклонного возраста и всяческие ревнители»*.

И поинтересовалась:

– А на работе в курсе, что вы пара?

Отец зыркнул на меня.

Генри сменил тему. Оказывается, его перевели из практикантов в ассистенты. Повышение. Он, похоже, ждал, что родители будут польщены. Однако весь папин вид указывал на отсутствие бешеного восторга. По маме определить всегда труднее: она следит за выражением лица.

Проблема была в учебе. Генри все еще не решил, начнет ли осенью занятия в Колумбийском университете.

Он уже четыре раза откладывал. Или пять, если учесть, что университет Брауна он отменял дважды. Причины переноса начала занятий всякий раз звучали вполне разумно и логично. Например, «необходимость тщательно выбрать специализацию».

Перед сном мама сказала Джулии, что поселит ее со мной, – и выразительно посмотрела на меня. При входе в спальню громоздился кошмарный двухъярусный комплекс: намертво прибитый к стене, не сдвинуть. Теоретически там было четыре спальных места, но тогда все бы друг другу мешали.

– Двухъярусная, – произнесла Джулия с умилением. – Как в скаутском лагере.

Нары, подумала я. *Как в тюрьме*.

Я спросила, где она хочет лечь. Она выбрала нижнее место; отлично, значит, мне надо забираться на самый верх. Я принесла Джулии чистое белье, оставила переодеваться и вышла. Через некоторое время постучалась в дверь, и мне ответили: «Входи!».

Она уже лежала под одеялом. Поэтому я выключила свет и полезла наверх. Стряхнула с простыней песок. Мы пожелали друг другу спокойной ночи. Через несколько минут громко хлопнула дверь, и мне пришлось объяснять, что в доме косяки плохо сбалансированы, и по ночам такое бывает.

И мы снова пожелали друг другу спокойной ночи.

Я закрыла глаза и постаралась представить, что за стенами дома – остров Нантакет.

У дома, который мы снимали там каждое лето, на крыше была широкая квадратная огороженная площадка. Обычно такие называют «вдовый дворик». Оттуда, по легенде, жены морских капитанов высматривали шхуны своих мужей. По ночам сверху доносились скрипы, стоны и плач. Однажды мне послышалось, что там кто-то ходит. Дом с привидениями, что может быть лучше?

Если в этом доме и есть привидения, то они не оплакивают сгинувших в морской пучине моряков, а скучно лупят дверями. И причины у них самые прозаические: как у детей, которых не отпустили погонять на водных лыжах.

Присутствие Джулии не давало мне заснуть, и я слышала, что ей тоже не спится. Мы молча лежали в темноте, отслеживая дыхание друг друга. Молчание было одновременно заду-

шевым и враждебным, словно состязание, кто кого переглядит. Впрочем, Джулия просто ждала, пока я засну, – чтобы можно было уйти к брату.

В конце концов ее босые ноги прошлепали по полу; потом скрипнула дверь в комнату Генри. Открылась. Закрылась.

Отец позвал Генри сходить прицениться к парусной лодке – и, я подозреваю, чтобы поговорить о Колумбийском университете.

Мы с мамой и Джулией пошли на пляж. Я бродила за ними, в воде и на берегу, и искала красивые камни. Мама описывала выставку, на которую нам случилось попасть во время последнего визита в Нью-Йорк: посуда, столовое серебро, хрусталь – из него даже пили члены королевской семьи! Джулия тоже побывала на этой выставке, только не по случайности, а запланировав поход заранее.

Музей напоминал особняк богатой старухи, которая вовсе не рада гостям; и вот гости разговаривают шепотом и ходят на цыпочках, – и они здесь вроде бы лишние. Посетителей просили оставить отзывы в специальной книге, и моя мама, которая никогда не упустит возможность кого-либо похвалить, написала о том, как прекрасно здесь все организовано. Я бы написала: «Нудно до смерти».

Я заново испытала сейчас все это счастье, выслушивая, как они обсуждают сервировку. Им понравились одни и те же тарелки. Причины были одинаковы, испытываемое обеими воодушевление – тоже. И я подумала: *«Генри завел себе вторую мамочку»*.

Когда я сказала об этом Генри, он хмыкнул.

– Моя сестренка – поклонница Фрейда? Ну-ну.

Джулия в кухне накрывала на стол вместо меня, помогая с ранним ужином своему старшему *альтер эго* – моей маме.

Я сидела у Генри на кровати. Он паковал вещи – ехать назад в Нью-Йорк. Он всегда занимался чем-нибудь еще, пока мы болтали: крутил настройки радиоприемника, листал журнал, настраивал гитару. А что ему на меня смотреть, – ведь я со своими вопросами и так никуда бы не делась.

– Серьезно, почитай Фрейда.

Он подошел к полкам. Ничего там не обнаружил, однако долго распространялся, какой великий человек Фрейд. Будто как раз об этом я мечтала поговорить, когда нам наконец выпала возможность без помех поболтать.

Я поблагодарила его за книгу, которую он прислал мне с работы; труд норвежского философа. Брат спросил:

– Ты хоть начала?

– Ну...

– А ты знаешь, что твой ай-кью скачет на пятьдесят баллов вверх и вниз в каждом разговоре?

Я не поняла, комплимент это или оскорбление. Впрочем, как он на меня смотрел, мне точно не понравилось: словно издалека, из своей новой жизни. У меня испортилось настроение.

– Мерси за дружелюбие и деликатность. И вообще, площадь круга пи эр квадрат, Земля вращается вокруг Солнца, Миссисипи впадает в Мексиканский залив.

Генри улыбнулся и выдвинул ящик. Рассказал, как ходил на лекцию этого норвежца. Все делали вид, что им все ясно, поэтому он тоже притворялся, что конспектирует.

– Представь – пробиваться к философии через кошмарный акцент. А у него еще и заячья губа.

И тут он умолк – нашел на нижней полке Фрейда. Пролистал книгу в поисках отрывка, который хотел мне показать.

– Вот, слушай: «Отправлять юных в жизнь с таким ложным психологическим настроем в отношении секса все равно что отправлять экспедицию на Северный полюс в летней одежде и с картой итальянских озер».

Он покачал головой:

– Это просто сноска. Сноска.

Я заметила:

– Со своей бородой ты как раз похож на полярного исследователя Роберта Пири.

Брат неосознанно тронул лицо – как все бородатые. Затем протянул мне книгу. Зигмунд Фрейд, «Недовольство культурой».

Я спросила:

– Слушай, а когда вы вдвоем, Джулия тоже обсуждает отменные тарелки?

– Ну ее можно понять. Это просто нервы – из-за знакомства с родителями. Посмотри на ситуацию ее глазами.

Нет уж, как-нибудь потом.

Он достал из шкафа бордовую рубашку. Протянул мне.

– Хочешь? Я купил ее в Беркли, в благотворительном магазине.

Генри проходил там стажировку в лаборатории бихевиоральной модификации, где учил муравьев игнорировать муравьев.

Я сказала:

– Когда ты жил там, мы встречались чаще.

Он пообещал, что через несколько недель они с Джулией снова сюда приедут.

– Боюсь, я тебя совсем не узнаю. Заявишься такой в костюме с галстуком.

– С чего вдруг?

– Ты сейчас выглядишь старше.

– Я и стал старше.

– Три месяца прошло, это разве срок? Ты просто изменился. Внутренне.

Тут он остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Теперь ты Хэнк. Хэнк, который привез маме с папой бутылку вина.

Он присел рядом со мной на кровать.

– Возможно, я постарел. Это не так, но допустим. Есть причина, чтобы на меня злиться?

Я взглянула на бордовую рубашку. На кармане было большое чернильное пятно.

Тут Джулия позвала нас обедать.

– Идем, – сказал он.

Меню состояло из бесед о прекрасных книгах, которые все присутствующие или уже прочитали, или собирались. Кроме меня. Джулия как раз только что прочла роман знаменитого автора, о котором я ничего вообще не слышала, и назвала его «выдающимся произведением». *Ты слишком много читаешь*, подумала я.

При прощании стало видно, насколько она понравилась нашим родителям, и вовсе не из-за Генри. Джулия была добрая, отзывчивая, разумная – именно такую дочку они заслуживали.

По дороге домой я думала о Джулии. Пыталась понять, что значила бы для меня восьмилетняя разница в возрасте. Тогда моему теперешнему кавалеру должно быть шесть лет, как сыну наших соседей.

– Это как если бы я гуляла с Вилли Швомом.

Мама предпочла сделать вид, что не слышит.

Папа со смехом сказал: самое главное – чтобы мы с Вилли были счастливы.

– Раньше-то я сомневалась. Думала, будет при ребеночке еще одна нянька. А однажды вечером...

Мама меня перебила:

– Что-то мне нехорошо.

Я никогда всерьез не говорила с родителями о любви, а тем более о сексе. Самое «взрослое», что мы как-то обсуждали, – это наркотики; но эта тема меня не интересовала.

В последний день школьных занятий стало ясно, что планов на лето у меня нет. Раньше я всегда с нетерпением ждала августа и поездки на остров Нантакет. А в этом году мне предстояло торчать все каникулы у себя в пригороде и на побережье Нью-Джерси, чувствуя, как неумолимо приближается сентябрь и новый учебный год.

Я попрощалась с друзьями – их ждали безумные приключения: путешествия для подростков, настоящие индейские стоянки и Израиль. Мы обменялись адресами, и каждый раз, когда я записывала свой, то ощущала, какое скучное лето мне предстоит. Один приятель спросил меня: «Чем займешься?» – и я ответила: «Может, работу найду».

За обедом я заговорила об этом с родителями.

Мама предложила:

– Может, поищем учителя рисования? Да и теннисом хорошо бы позаниматься.

– Я хочу поработать. Хотя бы укороченный день.

– Снова у папы в офисе? – Мама перевела взгляд на отца.

Мне нравилось смотреть на отца за работой. Заведующий отделением неврологии, в белом халате, как он пожимает руки пациентам, встречая их у себя в кабинете. Только это уже было.

– Мне нужен новый опыт, мама.

– А если пойти стажером? Попрактикуешься в том, что тебе интересно.

Интересно? Это не про меня. Я так маме и сказала.

– Ну тебе же нравится рисовать?

Лучше уж в официантки.

Папа хмыкнул:

– Будешь протирать столики. А что, тоже дело.

Я просматривала газетную рубрику «Нужен помощник». Хотя везде требовался опыт, я исправно звонила по оставленным номерам, повторяя вычитанные в газете слова о «перспективном новичке». Никаких результатов! Я записалась на летние курсы живописи и тенниса, ходила в бассейн к подруге Линде, а еще по маминым поручениям.

Вечерами было тихо. Ужинали, а затем я поднималась к себе в спальню, писала письма друзьям или рисовала. На моих рисунках люди замирали, словно позируя фотографу.

Папа у себя в кабинете читал журналы по специальности, всякие там «Неврология» и «Инсульт» в однотонных скучных обложках. У мамы для газет была утренняя гостиная. Мама беспокоилась по внутреннему телефону, не хочет ли папа фруктов, и я бегала взад-вперед по лестницам, таская ему сливы, персики и нектарины. Перед сном я выгуливала Цезаря и тайком курила.

Часто во время этих прогулок я наталкивалась на Оливера Бидля – взрослого дядьку, который, однако, жил с родителями. Он выгуливал крошечного шнауцера. Этаким деревенский размазня в мешковатой одежде – такое мой дедушка надевал для игры в гольф – всегда с зажженной сигарой. Поговаривали, что Оливер или слабоумный, или гений, – впрочем, я не верила ни тому, ни другому. Оливер Бидль – это то, кем вы станете, если не найдется никто, кого можно любить. Кроме родителей.

– Привет, Оливер, – говорила я. А потом обращалась к шнауцеру: – Добрый вечер, Пеппер.

Оливер тоже со мной здоровался, но всегда после некоторой паузы, словно каждый раз колеблясь, отвечать или нет. К моменту, когда он все-таки решился, я уже была в нескольких шагах от него – и тогда бросала «спокойной ночи!», словно мы весь вечер провели вместе.

Джулия и Генри выбрались на побережье с утра в пятницу и к нашему приезду были уже там. Джулия приготовила обед и вообще выглядела гораздо спокойнее. Генри вроде бы стал выглядеть еще солидней.

После десерта они позвали меня с собой в центр искусств, смотреть русский фильм с английскими субтитрами.

– Не люблю читать и смотреть одновременно, – буркнула я.

Джулия засмеялась, словно над хорошей шуткой, и я почувствовала себя невообразимо крутой и остроумной. И пошла с ними в кино.

В жизни не видела более унылого фильма: все умирали от горя, от голода или от того и другого вместе. Дома Джулия бросилась на диван и, вся такая переполненная славянской тоской, воскликнула:

– Водки мне, водки!

При мне они не целовались и не держались за руки, хотя однажды, за обедом, Генри погладил под столом мою ногу, думая, что это нога Джулии. Я наклонилась к нему и шепнула: «Ты меня заводишь». Все-таки я была подростком, а потому крупным специалистом в области умирения плоти, своей и чужой.

На пляже мы оставили обувь рядом с обувью других отдыхающих, расстелили на песке полотенца и легли лицом к океану. Генри минуту осматривался, а потом пошел в воду.

Океан был неспокоен; волны вздымались, неся к берегу медуз и морские водоросли. Водоросли засыхали на солнце рядом с нашими полотенцами, постепенно чернея. Ветер был таким сильным, что их клубки носило по песку, словно перекаати-поле.

Я рассматривала людей на пляже. Несколько женщин, по виду ровесниц мамы, в бикини и с золотыми браслетами, уже покрылись густым загаром. Бикини их наполнило. Еще одна группка поставила шезлонги возле наших полотенец. Мужчина наливал из термоса в подставленные пластиковые стаканчики что-то прозрачное, а женщина раздавала из мешочка заготовленные дольки лайма.

На Джулии было свободное пляжное белое платье и большая шляпа из соломки. Она густо намазалась кремом от загара, хотя все время оставалась под зонтиком. И она читала – как обычно.

– Ты очень любишь свою работу. Прямо видно, – сказала я.

Она кивнула. А потом спросила, думала ли я о том, кем стану, когда вырасту.

– Ну я хотела великой певицей.

– Может, и станешь.

– Не-а.

– Почему?

– Слух – это не про меня.

Я приподнялась на локтях, наблюдая за Генри. Вода была еще холодной, и купался пока только он один. Замерев, он ждал очередной волны: к нам лицом, сгруппировавшись, откинув голову назад, туда, где рождались волны. Затем нырял, ловил волну, седлал ее гребень и неся обратно к берегу. В последнюю секунду полета это выглядело великолепно: волосы смыты водой назад, тело напряжено, в глазах чистый восторг, на губах улыбка. Потом он выпрямлялся, бросал в нашу сторону взгляд, но без очков все равно ничего не видел.

Я тоже пошла в воду. Было холодно, но я нырнула следом за ним. Встала у него за спиной и вытянула руки вперед. Сколько раз он пытался меня научить! И сейчас оглянулся.

– Дождись свою волну. – И завопил: – Давай! Ну!

Но я пропустила и эту, и следующую. Потом к нам присоединилась Джулия. Они вдвоем поплыли туда, где бесновались огромные волны, а я поплелась к берегу.

Со своего полотенца я следила, как две точки держатся на гребне взлетающей огромной волны. Затем он нырнул. Выставил над поверхностью руку, словно акулий плавник, и двинулся следом за Джулией. Потянул ее вниз. Я видел, как она взмахнула руками, уходя на дно.

Когда я посмотрела следующий раз, Джулия шла ко мне от воды. Она не успела надеть свое просторное пляжное платье, и ее фигура в мокром черном сплошном купальнике хорошо просматривалась. Она была стройнее, чем я думала, и груди у нее были даже меньше, чем у меня.

В тот год у меня резко начала расти грудь, и нам с мамой пришлось ехать в универмаг за бюстгалтерами большего размера. Мальчишки теперь обращали на меня больше внимания, и я психовала. Казалось, груди рассказывают обо мне посторонним что-то такое, о чем я предпочла бы умолчать. Мои груди стали моей Ахиллесовой пятой, постоянной угрозой попасть в унижительную ситуацию.

Я даже разработала теорию: если у тебя большая грудь, мальчики хотят переспать с тобой, – и тут совершенно нечем гордиться, эка невидаль, они хотят секса постоянно. А вот если бы у тебя было красивое лицо, – как у Джулии, например, – мальчики влюблялись бы, пусть даже и помимо собственной воли. Тогда секс между вами происходил бы по любви.

Я изложила свою теорию подруге Линде, которая собиралась стать социологом и сама вечно что-то разрабатывала. Пришла к заключению, что груди выполняют в процессе секса точно такую же функцию, как подушки в процессе сна. «Мальчики думают, что им нужна подушка, – но они и без нее могут прекрасно выспаться».

Линда на это сказала: «Им вообще все равно, подушка там, не подушка. Они готовы спать где угодно».

Когда тем вечером Джулия забралась на свою койку, я сказала, что она, если хочет, может идти к Генри. Не надо дожидаться, пока я засну. И добавила:

– Ты не считай, что я совсем уж маленькая девочка.

Она застыла и, кажется, потеряла дар речи. Я хотела, чтобы она чувствовала себя свободно. И не могла придумать, как бы так сформулировать, чтобы ее не обидеть.

Джулия призналась, что и вправду не знает никого моего возраста.

– Я пыталась вспомнить себя в четырнадцать, – заговорила она. – Все, что меня интересовало тогда – кроме книг, – это моя лошадка, Уголек.

Я представила ее четырнадцатилетнюю: в черной бархатной шляпке, такой, с бантиками наверху. И спросила:

– А что стало с Угольком?

Она улыбнулась:

– Я выросла.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и она ушла в комнату брата.

Прошло несколько недель. Небо побелело, а воздух стал сырым. Синоптики обещали дождь, но мама смотрела вверх и уверенно заявляла, что погода еще изменится.

Однажды днем Джулия сидела за столом и правила рукопись. Работала. Доделала страницу и передала ее Генри – прочитать.

– Иди к нам, Джен, – позвала она.

Мне было слегка не по себе: вдруг Джулия увидит, что я не такая умная, как она думает? Однако я придвинула к Генри свой стул и уткнулась в рукопись.

Там было о девочке, у которой разводились родители; это было описано даже более правдоподобно, чем я ожидала. Я подняла взгляд и увидела своих собственных родителей. Они смотрели на нас троих с улыбкой.

Я сказала Джулии, что мне очень понравилось. Она пришла в настоящее волнение. Ей раньше давали редактировать только детские книги, но тут как раз она начала работать в моей возрастной группе, которую называла ПП – «первая подростковая».

Я потихоньку ей призналась, что почти не хожу в библиотеку: библиотекарь вечно бурчит, что я прошу не подходящие по возрасту книги. А те, что для моей возрастной группы, никуда не годятся: в них описывается, как положено жить, а надо про то, что случается в жизни на самом деле. С журналами все точно так же.

– Реклама, и та врет! Допустим, они показывают, что мальчик зовет девочку на свидание, – и держит за спиной пучок маргариток. «Свидание»... Да у нас никто так не говорит!

Джулия проявила такой интерес, что мне захотелось рассказать ей про Дом, брошенную хибару у железнодорожных путей. Тайное убежище для молодежи – словить кайф, выкурить косячок и пообниматься. Я однажды тоже там отметилась: мальчик, который мне нравился, ненароком упомянул, что там бывает.

Когда я зашла, он сказал: «Привет». Я закурила сигарету и стала вести себя словно тут завсегдатай. Он подошел и сел со мной рядом на драный диван. Протянул мне косяк, я помогла головой. И улыбнулась словно уже под кайфом. Он склонился ко мне, как я того и ждала. Однако он только шепнул: «Потекла? Готова?» А я-то, дура, себе всяких нежностей напредставляла!

Они не сидели с нами сиднем – у Джулии были друзья в Амагансетте и на острове Файер. В выходные они отправились на Мартас-Винъярд, а я пригласила Линду. Мы спали на моих нарах, на нижних койках. Я рассказала ей, как Джулия выскальзывает в комнату Генри; она спросила, что я думаю: занимаются ли они там сексом?

Из родительской спальни доносился голос отца. Интересно, меня сейчас тоже слышно? Я шепотом спросила:

– А заниматься сексом без шума можно?

– Откуда я знаю?

Я вспомнила первое знакомство с Джулией, тяжело задышала и томно произнесла:

– Отменно. Необычайно. Ты не старец преклонных лет, Хэнк.

Мы захихикали. Но почти сразу мне стало не по себе.

На пляже Линда включила социолога:

– На вершине социальной иерархии находится вон тот блондин на высоком белом стуле. Стул символизирует трон, место правителя.

– Полагаю, общепринятый термин «спасатель» маркирует его желание совокупляться, – подхватила я, – то есть спасти от уменьшения численность популяции.

– Заметь, у него на носу крем. Совсем как ритуальная раскраска у вождей диких племен. Спасатель встал и дунул в свисток.

Я решила:

– Подманивает самку.

Моим родителям Линда нравилась. Тем вечером мы сказали, что пойдем полюбоваться луной и океаном, – и они просто кивнули: «Отлично». Кивнули одновременно, не сговариваясь, хотя было уже совсем темно. На улице я произнесла:

– Мы пошли грабить винную лавку. – И добавила уже тоном родителей: – Отлично.

На пляже было людно. Большая группа собралась у костра, и моя бесстрашная подруга прошла прямо к огню. Мне оставалось только следовать за ней.

Нас спросили, хотим ли мы пива, и Линда сказала: «Увы». Я не понимала, что она имеет в виду, пока до нее не дошла очередь. Она сунула бочонок мне, ни на секунду не задержав его в руках.

– Три «Б» борьбы с алкоголизмом: борись, борись, борись.

Я передала бочонок дальше, словно прилагая для этого героические усилия.

Она спросила:

– Бедняжка, все еще накатывает?

– А куда бы оно делось?

– Не теряй надежды.

– Спасибо, сестра. Мне так важна твоя поддержка.

– Я держусь, и ты держись.

– Каждый день трезвой жизни – как дар божий.

Родители повезли Линду – против ее воли – в Диснейленд. На прощание она снова ко мне приехала. Именно в те выходные прямо напротив нас, на той стороне лагуны, начали возводить дом. Раньше там был пустырь, и вид из наших окон на залив ничего не загромождало.

Меня подбросило от стука, грохота и громкой музыки. Линда еще спала.

Я выглянула на крыльцо; там стоял папа, одетый для тенниса: белые шорты, белая рубашка-поло, – но без носков, словно рабочие своим шумом так вывели его из себя, что одеться до конца он не смог.

Каркас дома был готов – новые рыжие балки торчали во все стороны и уже перекрывали панораму. Скоро будет еще хуже. Я погладила папину спину: так всегда поступал он сам, желая меня утешить.

– Будем смотреть прямо сквозь их окна, – сказала я жизнерадостно. – Круто получится.

Он поцеловал меня в макушку.

Мама сказала:

– Когда ты вернешься с тенниса, Генри и Джули уже приедут.

– *Джулия*, – поправил он.

Они оба не уставали подшучивать над маминой постоянной путаницей с именами. Как заезженная пластинка. Вот и сейчас папа повторил припев.

– Так как зовут сантехника, Лу?

– Пит Макдэниэл? – улыбаясь, спросила мама.

– Дэн Макгэвин.

Папа покачал головой. Я с облегчением заметила, что он спокоен и даже смеется, хотя, честно говоря, шутка была старовата.

Джулия и Генри появились на пляже после ланча. Я представила им Линду, посмотрела на брата – и на секунду даже пожалела, что ее пригласила. Я и забыла, какая она хорошенькая.

Линда умела кататься на волнах не хуже Генри, и они надолго зависли в океане.

А я то заходила в воду, то возвращалась на берег. Джулия сидела под зонтиком и вязала свитер. Красивый, с высоким воротом. Всякий раз, наблюдая за ее работой, я думала: подружился ли мы когда-нибудь настолько, что она свяжет что-нибудь для меня?

Однако сейчас я волновалась о другом. Вдруг со своими спицами она покажется намного старше Генри? У нас вязанием увлекались обе бабушки.

Джулия с Генри отправились посмотреть лодку, которую собирался купить папа. После их ухода Линда произнесла голосом юного натуралиста:

- ...и еще о брачных ритуалах пернатых: вязание как сигнал готовности вить гнездо.
- Не надо, пожалуйста, – попросила я. – Она мне нравится.

Папа купил парусную шлюпку, и Генри спросил, хотим ли мы с Линдой на ней пройтись. Он и раньше ходил под парусом, на острове Нантакет, однако Джулия была в сотни раз опытнее. Она управляла лодкой, словно делала это всю жизнь. Может, так и было.

Нам пришлось галсами выбираться из лагуны. Джулия велела подготовиться к повороту, а потом скомандовала: «Руль под ветер!» Генри передразнил ее и засмеялся. Папа точно так же подшучивал над мамой; только Джулии, похоже, это не понравилось. А Генри не притормозил.

Было очень трудно удержаться и не захихикать вместе с братом. Однако мы с Линдой удержались.

Перед обедом, когда Линда принимала душ во дворе, а Джулия в доме, мы с Генри сидели на крыльце и ожидали своей очереди. У дома на той стороне лагуны теперь уже были стены, и мы не могли больше любоваться, как солнце падает в залив. А ведь единственное, что хоть немного напоминало мне Нантакет, – это именно сумерки и закат. В теплом розовом свете очертания деревьев и берега размывались, становились мягче – как радостные воспоминания.

Я спросила Генри, как они с Джулией провели время на Мартас-Винъярд.

Он ответил:

– Нормально.

И добавил, что они останавливались в хостеле для молодежи. Наверное, это что-то значило, и я наострила уши.

Осенью он решил начать занятия в Колумбийском университете. Намекает, что порвет с Джулией? Может, брат уже представляет себя в кампусе – а она туда не впишется?

Я спросила:

– Ты ведь все равно останешься в Нью-Йорке?

Он кивнул.

Папа был доволен, конечно. Он, наверное, успокоится только после того, как увидит Генри в мантии и академической шапочке.

В День труда Генри с Джулией отправились в Саутгемптон, где мама Джулии давала большой прием. Мои родители тоже ушли в гости. Тем вечером, выгуливая Цезаря, я слышала звуки вечеринок со всех сторон лагуны. Я подумала: вероятно, мы с Оливером Бидлем – единственные, кого никуда не пригласили. Чтобы подбодрить себя, я сказала Цезарю: «Нам и вдвоем хорошо, да, милый?»

В воскресенье приехала бабушка. Шел дождь, ее артрит обострился, и она вела себя еще капризнее, чем обычно. Была всем недовольна; спросила маму: «Луиза, зачем ты напялила эти шорты?»

Папа сбежал в спальню.

А потом – само собой – бабушка задала свой коронный вопрос:

– Помнишь стрижку, которая была у тебя в Париже той весной?

Двадцать пять лет назад мама год провела за границей. Так вот, парижская прическа была из той эпохи.

Мама сделала вид, что зевает, и сказала, что тоже пойдет поспит.

Мы с бабушкой остались вдвоем. Я спросила про мамины волосы:

– А разве сейчас ей плохо?

– Раньше было лучше, – отрезала бабушка.

– А представь, – сказала я. – Тебе нравится короткая стрижка, а твоя мама убеждает, что длинные волосы лучше. Вот как бы ты себя чувствовала?

– Если бы могла, носила бы длинные, – ответила бабушка и развернулась ко мне. – Тебе надо следить за головой, Джейн. Если очень постараться, будешь хорошенькой.

Я даже не стала делать вид, что зеваю, – просто ушла к родителям. Они оба читали в постели, и я пристроилась посередине.

– Ее переклинило на парижской стрижке, – пробурчала я. – Что хоть там было?

– Веришь, не помню, – призналась мама.

– Временами на нее находит. – Мне хотелось поговорить, хотя родители вроде бы читали, а не слушали. – Наша бабушка уверена, что зеркало души – волосы, а вовсе не глаза.

Мама хихикнула. В обществе собственной бескомпромиссной матери она чувствовала себя подростком.

Отец веско произнес:

– Волосы – это крыша.

Перед ужином бабушка читала газету, цокая и жалуясь в пространство, что мир катится в пропасть. Все, все не так. Все иначе, чем прежде.

– Ну и что хорошего было, по-твоему, в этом добром старом времени? – в запале спросила я.

Мне самой не понравилось, как желчно прозвучал мой голос, и я тут же поправилась:

– Вот скажи, чего именно тебе сейчас недостает?

Бабушка подбирала слова, и я ждала очереди высказаться на тему, что сейчас все гораздо лучше, чем было раньше. Сейчас я напому ей про гражданские права и движение женщин.

– Недостает? Мальчика, который зажигал по вечерам уличные фонари, – сказала она наконец. – Он носил с собой скамеечку.

И вот тут я поняла: это совсем как моя тоска по острову Нантакет, – и накрыла ее руки своими. До меня дошло, что все куда сложнее, чем может показаться.

Джулия и Генри вернулись, когда мы доедали десерт.

Мама сразу отреагировала, будто мы все вместе приготовили для бабушки большой сюрприз. *Смотри-ка! Кто это тут у нас? Ой, Генри!*

Он, кажется, вообще ничего не заметил. Мама представила Джулию, которая попыталась выдать из себя вымученную улыбку.

Возможно, из-за разницы в возрасте или просто оттого, что Генри кого-то завел, – но бабушка отреагировала резко. Она горячо расцеловала моего брата – словно маленького – и обратила к Джулии взор Ледяной королевы:

– Как поживаете?

Генри сидел на самом дальнем от Джулии стуле, не глядя в ее сторону, а через несколько минут и вовсе ушел к себе в комнату.

Я немного подождала, что он вернется, а потом выскользнула следом.

– Что ты творишь?

Он не ответил. Взял гитару, сжал струны.

– Джулия осталась бабушке на растерзание, – напомнила я с упреком. – Без поддержки.

– Она в состоянии сама за себя постоять.

– А зачем ей самой за себя стоять?

Я развернулась и пошла обратно на кухню.

Бабушка начала мыть посуду. Я заверила, что потом помою сама, но она отмахнулась. Я полоскала тарелки, отдавала ей, а она расставляла в посудомоечной машине.

И возвращала некоторые назад – переполоскать.

– Надо тщательнее.

– Я просто ополаскиваю. Предполагается, что мыть их будет посудомойка. Она поэтому так и называется.

Папа предостерегающе на меня взглянул.

Мне уже надоело торчать у раковины, но я осталась. Из-за Джулии. Кто-то же должен быть ее щитом и защитником!

Я представила Париж, войну и что мне надо отвлечь домохозяйку-наци от Джулии – от еврейки, которую мы укрываем в кухне, пока не выйдет организовать побег. И что все зависит только от меня.

Первыми сбежали родители. В свою комнату, хотя не было еще десяти часов.

Джулия рассчитывала проскользнуть в комнату Генри, поговорить. Однако я знала, что бабушка не утихомирится, пока все не лягут. И позвала Джулию составить мне компанию на прогулке. Бабушка возражала, но мы все равно ушли.

На улице Джулия призналась:

– Я бы что-нибудь выпила.

Я знала, куда можно пойти. Она вздохнула.

– Как интересно. Ты отправляешься со мной в бар. Родители вряд ли придут в восторг.

– Вот уж да. Хотя это не просто бар.

Я сбежала в дом и попросила у Генри ключи от его машины.

– Нам с твоей девушкой надо выпить и склеить кавалеров.

Он просто указал на полку с ключами.

Дождь прекратился, и мы опустили верх автомобиля. Сразу стало похоже на начало Чудесного приключения Джулии и Джейн. А потом я взглянула на нее и увидела угрюмо сжатый рот. Джулия достала из бардачка шифоновый шарф, накинула на волосы, дважды обмотала вокруг шеи – словно героини кинофильмов. Интересно, как она это делает? Надо обязательно спросить, – когда Джулия не будет так расстроена.

В ресторане я достала из рюкзака сигареты, и она попросила закурить. Вид у нее при этом был виноватый – словно взрослый подбил ребенка на нечто неподобающее.

Она заказала себе бокал вина; и пока пила мелкими глотками, я спросила, что случилось.

– Сама не понимаю. Был огромный прием. – Там были все, вся ее родня, все друзья дома. – Хэнку, похоже, никто не пришелся по вкусу.

Возможно, ему было некомфортно знакомиться с ее семьей.

– Они другие, на ваших совсем не похожи. Каждый разведен не по разу; полно всяких сводных и единокровных родственников, вообще непонятно кого.

Ее родители разошлись, а потом заново поженились. Напоминает отношения Генри с университетом Брауна.

– Они вечно на грани то развода, то воссоединения.

– Вечно?

– Первый раз, когда мама ушла, мне было меньше, чем тебе сейчас. Мы только что переехали в Коннектикут, в этот замечательный дом. Там бассейн выкрашен в черный цвет, а фонарики развешаны так, что в воде отражаются деревья. Когда родители устраивали вечеринки, я подглядывала из окна своей спальни. Было ощущение, что гости скользят над подводным лесом.

– Здорово, – сказала я.

– Волшебство. – Джулия покосилась на мои сигареты, взглядом спрашивая разрешения. Я кивнула: *жми*. – Мама ушла в сентябре. По вечерам папа спускался к бассейну, даже если было холодно. В бассейн падали листья, но он плыл прямо сквозь них. Я стояла на бортике и пыталась до него докричаться, уговаривала пойти домой. К тому моменту, когда он все-таки выбирался на берег, на поверхности воды оставалась пробитая его телом полоса чистой, без листьев, воды, и в ней отражались голые ветки деревьев.

Джулия не плакала, она только закрыла глаза рукой.

Мало ей истории с родителями, подумала я, теперь вот Генри. И я пересказала ей все хорошее, что брат говорил о ней, все комплименты, которые только могла вспомнить; все реплики, которые хоть как-то можно было принять за комплимент. Потом перечислила все ее достоинства, все, что у нее хорошо выходит.

– Без толку, – вздохнула она.

И я понадеялась: сейчас Джулия объяснит мне, от чего есть толк.

Возможно, она тоже это поняла – и продолжила:

– Иногда тебя любят за твои слабости. То, что ты чего-то не можешь, иногда действует сильнее, чем когда можешь.

На минуту я обрадовалась. Это мне подходит! Только любить за слабости – это ведь тоже слабость?

– Думаю, Генри тебя действительно любит, – сказала я и тут поняла, что и сама не знаю. – Разве может быть иначе?

Она казалась опустошенной.

Я несколько не соврала: с ней он вел себя совсем иначе, чем с другими девушками, которых прежде приводил домой. С ними он держался так, словно они попали к нам домой случайно. И тут я вспомнила, как за десертом он ушел из-за стола, а не остался с ней рядом. Точно так же, как раньше, с теми.

Джулия взглянула мне прямо в глаза:

– Генри ничего не говорит про любовь.

Она словно спрашивала: а тебе, тебе он говорил, что любит меня? И мне стало ее жаль.

– А ты сама когда-нибудь ему говорила?

Я даже удивилась, как рассудительно прозвучал вопрос. Словно я что-то такое знала; словно и впрямь могла что-нибудь посоветовать.

Однако у Джулии разгладилось лицо.

Я хотела снова свести разговор к знакомым вещам. Повела о девушке, которую брат привозил из Корнельского университета. Я тогда спросила: «Это твоя подруга?» – а он ответил: «Определения ограничивают».

Джулия улыбнулась, словно бы жалея ту, другую девушку.

Казалось бы, все сказанное мной должно убедить ее в несерьезности проблемы. Однако я все-таки беспокоилась. И поэтому добавила:

– Если не получится с Генри, всегда есть Уголек.

Она засмеялась моей горячности и ответила, что Уголек давно умер.

– Ну, – утешила я, – есть куча других лошадей.

Когда мы вернулись, горел только свет в холле. Джулия сказала:

– Я ненадолго. Поговорю с Генри – и все.

– Удачи, – пожелала я.

В этот момент в холл вышла бабушка, и Джулии ничего не оставалось, как отправиться к нам на нарты.

Я проснулась поздно. Бабушка уже уехала.

– Она не захотела тебя будить, – объяснила мама. – Ей надо в Филадельфию. На вечеринку.

– Бабушка – звезда вечеринок, – хмыкнула я.

Мама улыбнулась:

– Жаль, ты не посмотрела, какую красоту она навела. Просто королева!

Я вспомнила бабушкину фразу о том, что я, может, стану не такой страшной, если сильно постараюсь. Эта мамина готовность всех прощать, незлопамятность...

– А разве красота – не врожденное, не вопрос везения?

– В ее случае – вопрос тщательной сборки. – И мама начала расписывать плиссированную юбку, высокие каблуки и белые перчатки собравшейся на выход бабушки.

Я ее не перебивала. А потом спросила, где Генри и Джулия.

Только что ушли играть в теннис, сказала мама.

– Давай, возьми ракетку, составь им компанию.

Я удивилась. Играть в теннис вместо серьезного разговора? Впрочем, может, они уже все обсудили. Может быть, уже все хорошо. Будем надеяться.

Я сунула в велосипедную корзину ракетку и поехала к кортам.

Эти двое только готовились к игре и меня не видели. Джулия, в теннисном платье, казалась посвежевшей и очень загорелой. Генри, в коротких шортах и высоких ботинках, выглядел на корте чужеродно.

– Играем! – крикнул брат.

Джулия крутанула ракетку.

– Мягко или жестче?

– Жестче. – Генри отвечал словно бы в шутку.

Тут они увидели меня, и Генри спросил:

– Поиграешь?

– Лучше посмотрю.

Подавала Джулия. Она была в прекрасной форме: в каждом ее ударе чувствовались годы занятий. Генри учился играть сам и просто отбивал мяч: как мог – открытой ракеткой, вбок, по центру, с подрезкой. И его это совершенно не волновало. Его подачи было или невозможно отбить, или они уходили в аут: один мячик вообще улетел за ограду куда-то к лагуне.

Первый гейм он проиграл, и Джулия подошла к сетке.

– Что? – спросил он.

– Меняемся.

– Ладно.

Они прошли мимо друг друга, и он хлопнул ее по попе ракеткой, слегка, – не очень-то ласково.

Генри так и не научился держать одновременно два мячика, поэтому положил один у ног. Подача получилась смешная: он согнул колени и в тот же момент отвел ракетку. Вышло неожиданно сильно, и Джулия еле отбила.

Этот гейм он выиграл и пошел к сетке, даже не собрав разлетевшиеся мячи.

– Мы не меняемся, – напомнила она.

– Ты же сама сказала!

– На нечетных геймах.

В этих правилах не было ничего нового для Генри, и я посмотрела на него с удивлением. Что он творит? Видеть такое было неприятно, поэтому я влезла в разговор.

– Вы и на старом месте отлично смотрите.

– Хочешь поиграть? – предложила Джулия.

Я поблагодарила, помотала головой и села на велосипед.

Дома папа читал книгу, которую ему подарила Джулия.

– Интересно? – спросила я.

– Очень.

Папа поинтересовался, как теннис, и я рассказала, как здорово играет Джулия.

– А Генри?

Я изобразила его подачу, и папа засмеялся.

– Что-то у них неладно.

Папа кивнул:

– Бывает.

Он не собирался затыкать мне рот, просто дал понять, что не стоит обсуждать чужие проблемы.

Я рассматривала новый дом на той стороне лагуны. Его строили невероятно быстро – «на соплях», как говорил папа. Огромный, он напоминал особняк из диснеевского мультика «Всплеск», с колоннами и причудливой крышей, которая устремлялась вниз, словно водяная горка. Я назвала его *Русалочий дом*.

Смотреть в ту сторону было грустно, и я спросила:

– Как ты думаешь, Нантакет... мы еще поедem туда все вместе?

– Не знаю, моя хорошая.

Папа спросил про остров, по чему именно я скучаю. Я помнила наш последний спор и сомневалась, стоит ли откровенничать. И все же попыталась объяснить, хотя давалось с трудом. Как описать солнце, сквозящее через толщу листвы; капли росы, оседающие под утро на камни; выступления музыкальных групп, на которые мы бегали в ресторан «У причала»; немое кино, которое крутили при церкви. Или музей китобойного промысла, где так хорошо было пережить дождь. Я что-то говорила, конечно, – и понимала, что это все не то. И того, по чему я тоскую сейчас, не будет уже никогда – ни в Нантакете, нигде.

– А еще? – спросил папа.

У него был такой голос, что мне захотелось плакать, и я не удержалась. Он протянул мне свой носовой платок; тот пропах трубочным табаком – папа держал его в кисете в заднем кармане.

– А еще что? – повторил он.

И я рассказала ему про звезды в обсерватории Марии Митчелл и ловлю рыбы в Хаммок-понд.

Когда я добавила к списку уроки плавания на детском пляже, папа рассмеялся: ведь раньше я горько на них жаловалась. В качестве приза за стойкость в конце каждого лета он водил меня на обед. Только он и я, вдвоем. Сейчас папа спросил, помню ли я наш первый обед, у Винсента, и я кивнула. Тогда я как раз получила диплом «Первые старты» и похвасталась официанту.

Я вернула платок, и папа спросил:

– А сегодня? Пойдешь со мной на обед?

И мы пошли.

Вот так и вышло, что с Джулией я не попрощалась. На столе в прихожей – туда складывали почту – лежал пакет, который она адресовала маме. Акварель с парусной шлюпкой. Записка начиналась обращением «дорогая Луиза», но я все равно прочитала. Хотела посмотреть, нет ли там чего-нибудь про Генри. Или про меня. Однако Джулия писала только о прогулках под парусами, о пляже, о том, как она рада знакомству.

А внизу был постскриптум: «Сверток – для Дженни».

Сверток был слишком маленьким: свитер, моя тайная надежда, там бы не уместился, – однако я открывала его с предвкушением.

Она подарила мне роман «Великий Гэтсби» с надписью: «*Неподходящее чтение для твоего возраста*».

Я понимала, что Джулия и Генри расстались, но не теряла надежду, что, может быть, они помирятся – как ее родители. И в один прекрасный день она снова придет к нам вместе с Генри. На всякий случай я привезла в дом на побережье свой лучший рисунок – показать ей.

Однако Генри приехал один. Он сбрил бороду и светил бледной незагорелой кожей. Во всем остальном лицо ничуть не изменилось. И все равно мне пришлось к нему заново привыкать.

Джулию никто не упоминал.

Я ушла в спальню и уставилась на свой рисунок. Критическим взглядом. Словно то, что Джулия его так и не увидела, делало рисунок в чем-то хуже. Он был похож на остальные мои картинки: просто группа стоящих людей. Я бы никогда не смогла иллюстрировать детские книги – разве только про каких-нибудь бездельников.

У воды было тепло, бабье лето. Генри сказал мне, что начал писать роман.

– Может быть, Джулия поможет, – проговорила я. – Она ведь редактирует детские книги.

Я увидела, что мои слова его задели, и попросила извинения. И все-таки спросила, почему они расстались.

Он ответил не сразу. А потом начал рассказывать о приеме в Саутгемптоне.

Огромный дом прямо на берегу. Сотня, а то и две, гостей. Приглашенный для увеселения оркестр.

Скорее всего, Джулия заранее предупредила его о необходимости взять с собой вечерний костюм, – а он забыл. Или посчитал не важным. Им пришлось искать, у кого можно одолжить или взять напрокат. Генри передразнил отца Джулии:

– Скажите дворецкому, пусть устроит.

Похоже, ее отец был особенно ему неприятен.

Генри самым подробным образом описал добытый костюм. Он сидел мешком, рукава были брату коротки, однако все вокруг уверяли, что все просто отлично. На других мужчинах были смокинги.

Все вокруг много пили, сказал Генри, и он выпил тоже. Джулия знакомила его с разными людьми; имена не запоминались, разговаривать с ним новые знакомые желания не проявляли. Он старался шутить: о том, почему сменил так много колледжей, например, – но никто не смеялся. Когда Джулия пригласила его на танец, он сказал, что под джаз не танцуют. Хотя просто не знал, как.

Там была масса людей, с которыми Джулия давно не виделась. Они все желали с ней поговорить. Мужчины приглашали на танец. И она говорила и танцевала.

Генри подошел к бару и некоторое время постоял там. Однако так он перегораживал проход к стойке, поэтому ему пришлось сдвинуться к самому краю. Генри стоял и наблюдал за всеми. Как так вышло – пьяный, в отвратительно сидящем костюме, он торчит на вечеринке, где никого не знает, – один?

Мне было знакомо это чувство. Ужасно – поймать себя на том, что стоишь в одиночестве, и с тобой даже никто не разговаривает. Хуже не бывает. А для него это наверняка было еще тяжелее: ведь все происходило на глазах у Джулии.

Впрочем, Генри во всем винил именно ее. Не на словах – к словам там было не придраться.

– Просто неудачная вечеринка, – сказала я, желая его успокоить.

Он не ответил. А я вспомнила фразу Джулии: «Он не говорил, что меня любит». И не рискнула касаться этой темы, только пробормотала:

– Она же тебе по-настоящему нравилась.

– Да. Джулия великолепна.

– Она замечательная.

Он кивнул. Потом обронил:

– Слишком уж большая разница в возрасте.

Это напомнило мне рассуждения Генри про выбор университета, и я выразительно на него посмотрела. А он сделал вид, что ничего не заметил.

За ужином Генри опять ел как будто торопился на пожар и смешил нас историями про Нью-Йорк. После ужина он присел на крыльце и заговорил с папой об академических курсах, которые выбрал, и о том, удастся ли перезачесть что-нибудь из прежних лет учебы. Сказал, что решил получать степень в Колумбийском университете.

– Отлично, – ответил папа.

Мы с мамой мыли посуду; и когда она это услышала, то улыбнулась. Для нее вот так, когда вся семья вместе, было главной радостью. Она спросила у меня:

– Чем ты опять недовольна?

В ее голосе звучал упрек.

Тем вечером, в одиночестве лежа на двухъярусной кровати, я никак не могла уснуть. Встала и как была, в пижаме, пошла к докам. Я уже дочитала «Гэтсби» и все оглядывалась по сторонам, в надежде увидеть тот самый зеленый огонек. Однако везде царила сплошная темень, лишь в одном доме светились окна, и то голубоватым светом телеэкрана.

Я хотела разобраться, что на самом деле сказал мне Генри. Было не по себе. Возможно, никто другой не хотел так, как я, его понять. Я всегда была на его стороне, что бы ни случилось. В таком случае легко быть естественным, просто самим собой. Это не накладывает на тебя никаких дополнительных обязательств. А на том саутгемптонском приеме от Генри ждали большего – как от молодого человека Джулии. Только ведь и в любом другом месте от него тоже захотят большего. Я не знала, что произошло между ними. Мысль о том, что любовь к кому-то оказалась для брата непосильной ношей, меня пугала. А вдруг я тоже не справлюсь?

Глава 2

Дом над волной

Упорные попытки продолжать игру, к которой вы по самой своей природе не приспособлены, – даже когда все уже давно понятно, – сокрушительны для вашей личности и раздражают всех, кроме самых азартных игроков.

Эми Вандербильт. Этикет. Раздел «Как обустроить жизнь и жилище»

Утро перед нашим отлетом. Джейми приносит кофе для нас обоих, ставит на прикроватный столик и возвращается ко мне в постель. Сегодня днем мы будем в Санта-Крус, в гостях у бывшей девушки Джейми и ее мужа. И вот я сажусь в кровати, опираюсь на подушки и с ходу, не дав себе подготовиться, начинаю разговор.

– Милый... у меня какое-то странное чувство. – Он вопросительно смотрит. Пытаюсь сформулировать точнее. – Эти люди... я ведь их совсем не знаю.

– Ты ведь будешь со мной.

У Джейми прекрасный голос, глубокий, особенный. Он, как обычно, сбивает меня с мысли, и я на секунду умолкаю. На секунду.

– Ну... Ехать в отпуск к бывшей девушке своего парня... Это все как-то...

Он убеждает: Белла давно не его девушка, а просто старинный друг.

Я спрашиваю:

– И как выглядит старинный друг Беллы?

Он смеется и тянется ко мне с поцелуем.

– Друг по колледжу. – Джейми произносит «колледж» так, как я говорю «школа». Давным-давно и не в этой жизни.

Потом он принимает душ, и я вижу его силуэт сквозь шторку, расписанную в виде карты мира. Он выходит и говорит:

– Просто поверь.

Всю дорогу от Нью-Йорка до Сан-Хуана Джейми спит. Я стаскиваю с него бейсбольную кепку, поправляю сбившиеся растрепанные волосы. На нем белая футболка, старые джинсы и кроссовки. Он высокий и худой, одни ноги торчат – как жеребенок.

Джейми мой первый настоящий парень.

Мы вместе три месяца.

Для меня все началось тем вечером, когда он сказал: он не может спать с женщиной, если по-настоящему ее не любит.

– Я по природе моногамен. – Вот как это прозвучало.

Я ответила:

– И я.

Мы приземляемся на Санта-Крус и выходим из самолета в крошечный аэропорт. Какой-то мужчина держит табличку «Джейн и Джеймс».

Они что, послали за нами автомобиль?

Однако Джейми смеется.

– Это они и есть.

Белла роскошна, как ни посмотри: темные большие глаза, длинные темные волосы, гладкая темная кожа.

Она говорит: «Джеймс» (звучит *Жемс*) и целует: в щеку, еще раз, еще.

Мужчина, которого я приняла за водителя, представляется: Ив, ее муж. И когда он тоже целует меня – раз, два, три, – я думаю: *«Бабушка, какие мягкие у тебя губы»*.

Белла берет мои ладони в свои, словно встретила долгожданную подругу.

– Джейми.

Так меня звали в детстве. Я настолько потрясена ее теплотой, что говорю в ответ:

– Белли.

И в первый миг надеюсь, что никто этого не услышал. Однако, когда мы идем к автомобилю, Ив шепчет:

– Она *Белла*.

В лицо бьет сильный ветер. Мы загружаемся в машину и едем. Джейми наклонился вперед, к переднему сиденью, и разговаривает со «старинным другом».

У начала подъездной дорожки Белла выпрыгивает из джипа – открыть ворота. Впрочем, сначала она резко машет рукой, обращая наше внимание на табличку на стене. *«Дом над волной»*.

Джейми сжимает мои пальцы. Я начинаю что-то оживленно говорить про то, что такой необычной архитектуры раньше никогда не видела, – но тут джип делает рывок, и мы въезжаем в огороженный двор.

Это отличный большой дом. Вокруг веранда. Двор вымощен белой плиткой, а в каждом окне отражается голубовато-зеленое Карибское море.

Белла демонстрирует нам вид из нашей комнаты. Сейчас в ее речи усиливается акцент.

– Мой отчим ар-ки-тектор. Он сконструировал окна так, что вода повсюду. Вот увидите, дом классный.

Ив смешивает нам напитки – ром и что-то еще – и выносит поднос на веранду. Двор в окружении цветущих деревьев спускается к самому берегу.

Белла говорит Джейми:

– Тебе привет от Александры. Горячий.

Пока Ив расспрашивает меня про полет, про снег, про браслет у меня на руке, Белла рассказывает *Жемсу* о близких друзьях – он никогда их не упоминал, – живущих по всему миру. Мне приходит на ум, что все мои близкие друзья сосредоточены в пределах пары-тройки штатов.

Джейми спрашивает:

– А поплавать можно?

– Конечно, – отвечает Белла.

Джейми поворачивается ко мне.

– Пойдем?

Ему словно опять одиннадцать лет. Как мне это нравится!

Мы переодеваемся в купальники и идем к воде – бледные, словно гусеницы. У меня улучшается настроение, совсем улучшается. Вода мягкая, бирюзовая, и мы с Джейми каким-то образом снова становимся *мы с Джейми*. Я поднимаю взгляд и замечаю Ива и Беллу: они стоят у перил веранды и держатся за руки. Машут нам – как в туристической рекламе: щелчок – и снимок. Говорю об этом Джейми; он сообщает, что у меня голова забита южноамериканскими романами с их магическим реализмом.

– И совсем здесь не то, – спорю я.

– А что?

– Скорее уж фотореализм.

– Скорее уж живопись.

Они будто специально позируют, и это задевает. Однако цвет лужайки, ведущей к веранде, похожие на взмах кисти завитки на колоннах, весь этот калейдоскоп цветов удерживает меня от лишних слов – ведь иначе получится, что я критикую его друзей.

На ужин нас потчуют местными лобстерами. Накрыто на веранде. Белла и Ив говорят между собой почти полностью по-французски. Поначалу Джейми вставляет только отдельные французские фразы, словно в шутку, но Ив одобрительно кивает, и вскоре Джейми переходит на французский, изрядно меня удивив.

Мне не приходилось говорить по-французски лет с тринадцати: тогда я водила знакомство с симпатичной французской семьей, живущей на четвертом этаже многоквартирного дома рядом с железнодорожной станцией. С той поры я только и запомнила, что иногда они пользовались лифтом, а иногда поднимались пешком.

– На Рождество мы ездили к родителям Ива, – произносит Белла по-английски, ласково касаясь щеки мужа. – Они такие милые.

Меня она спрашивает:

– Ну как лобстеры?

– Милые, – говорю я.

Ой, да я же ее передразнила! Есть у меня такая дурная привычка: так многие травоядные подражают хищникам. Чтобы выжить.

В постели Джейми интересуется:

– Как тебе Белла?

Его тон не оставляет мне вариантов, и я послушно отвечаю:

– Отлично.

– Совершенно не сомневался: ты с ней поладишь. – Он улыбается.

Я хмыкаю.

– Угу. С кем я только не ладила.

– Золотко, – говорит он. И напоминает, что Белла всего лишь его добрый друг. Не надо настраивать себя против нее.

В темноте я верчу на языке фразу: «Ты прав, прости».

Однако к тому моменту, когда решаюсь произнести ее вслух, он уже спит.

Трасса идет через холмы по берегу океана. Я сижу на переднем сиденье рядом с Ивом. Дорогу то и дело перебегают зверушки, похожие на пышнохвостых крыс. Ив говорит, что это мангусты.

– Их привезли сюда лет сто назад из Индии, охотиться на змей. Они и охотились. Истребили змей и сейчас...

Снимает руки с руля и машет рукой. Я заканчиваю фразу за него:

– ...и сейчас на острове нет змей, зато от мангустов некуда деваться.

Он улыбается и говорит, что мальчишки ловят их по пятьдесят центов за хвост.

Дорога кончается; мы останавливаем машину и выходим. Теперь я вижу, какая здесь сушь, вижу проплешины; то, что я принимала за деревья, не деревья вовсе, а кактусы. Ив приготовил закуску для пикника. От пива и солнца меня клонит в сон, и я просыпаюсь, только когда Ив втирает мне в спину лосьон.

– Обгоришь, осторожнее.

Джейми плещется в воде. Я встаю и собираюсь пойти к нему, но тут рядом с ним выныривает Белла. Они смеются. Ха-ха-ха. Хи-хи-хи.

После душа мы переодеваемся к ужину. Я признаюсь:

– Знаешь... если бы я владела французским, было бы куда проще.

– У тебя получится. Надо только себя отпустить.

– В смысле?

– Ну это как с Шекспиром: в какой-то момент – раз! – и он пропитывает тебя всю.

За ужином я пытаюсь так и сделать. Пусть пропитает.

Белла говорит, а я перевожу: «*Жемс, гадкий мальчишка, ты хочешь тискать мои груди, ведь правда?*»

Когда я просыпаюсь, Джейми нет.

Небо белое.

На веранде один Ив. При виде меня он поднимается и наливает кофе. Я спрашиваю его, где Джейми.

– Может, они пошли погулять?

Я плаваю. Потом принимаю душ. Затем читаю.

– Погода не очень, – говорит Ив. И предлагает поехать в город.

Он ведет машину, а я его рассматриваю. В уголках глаз у Ива уютно лучатся морщинки. И я теперь вижу, какой он весь мягкий, какой безыскусно женоподобный, – словно мальчик, воспитанный старшими сестрами. Он расспрашивает меня об издательстве. Говорю, что работаю ассистентом редактора, практически секретарем, однако у меня при этом есть возможность читать присланные на отзыв рукописи.

Он упоминает, что тоже написал роман.

Спрашиваю, о чем.

– О *молодости* – или о *подлости*? Я не слышу его за шумом ветра.

Он смотрит на меня, словно на сообщника, и я заговорщически киваю в ответ.

В городке Кристианстед Ив показывает мне старинные укрепления и доки. При движении он слегка тянет носки – как Марсель Марсо.

Потом он ведет меня в огромный магазин дьюти-фри, где продают духи, фарфор, хрусталь и часы. Шикает мне на руку из разных пробников, принохивается и выносит приговор: «слишком сладко», «пахнет мускусом», «неинтересно», – прежде чем я успеваю даже втянуть носом воздух. В конце концов у меня не остается незанятой кожи; он определяется с выбором и покупает мне духи.

Начинается дождь. Ив обхватывает меня за плечи, и мы бежим в припортовый ресторан.

Официантка, южанка со светлыми волосами, спрашивает у него:

– Где носило?

– Да антракт у меня, – говорит он.

Перед уходом он отводит ее в сторону, и они о чем-то шепчутся.

Когда мы возвращаемся, Белла медленно поворачивает голову и смотрит на Ива. Он поясняет:

– Мы пообедали в городе.

Белла что-то отвечает ему по-французски.

Джейми интересуется, не хочу ли я поплавать.

В воде я спрашиваю:

– И где вы были все утро?

– Просто гуляли.

– А я посмотрела на старинные укрепления.

Мы беседуем словно два незнакомца, коротающие вечер в одном отеле. Однако Джейми внимательно слушает, и я заключаю:

– Они старые и крепкие.

Вечером мы едем в Кристианстед уже вчетвером. Белла притормаживает перед рестораном со светловолосой официанткой, но Ив предлагает другой, и мы отправляемся туда, где столики вынесены прямо на берег.

Джейми рассказывает о ресторане, который хотел бы открыть, потом о сценарии, который планирует написать. Белла слушает, подавшись вперед и не отводя от него глаз.

После второй порции спиртного мне приходит в голову вопрос:

– А чем вы вообще занимаетесь, ребята?

Белла говорит:

– Мы здесь на время. Пока отчим продает этот дом.

– Как у Альберто дела? – интересуется Джейми.

Я обращаюсь к Иву:

– А ты?

Белла замолкает и прислушивается.

– Я? Я пишу картины. Романы. Играю на рояле.

– А где рояль? Я не видела.

Европейцы, замечает Ив, отличаются от американцев – не так зациклены на карьере.

– Главное – свобода.

Я киваю:

– Само собой. Живи свободным или умри.

Перед сном я выхожу на веранду выкурить сигарету. Ив выходит следом за мной. Окликает, целует в щеку. Так медленно, словно его губы и моя щека срослись.

– Спокойной ночи.

В спальне я спрашиваю у Джейми:

– Что вообще происходит?

– О чем ты? – Он почти спит.

– Ну...

Джейми не отвечает. Потому что не знает, что сказать?

– Мы сто лет не занимались любовью, – говорю я, когда мы вдвоем принимаем душ. – Только сейчас дошло.

У Джейми взгляд, словно я закутана в три шубы.

– А почему вы с Беллой расстались?

Он отвечает не сразу.

– Она переспала с другим.

– Ох!

– Хотела, чтобы я ревновал.

Я не могу удержаться.

– Как сейчас?

– Зачем ей сейчас моя ревность?

Я вытаращиваюсь на него.

– Не твоя. Ива.

– Что ты несешь? – Он выходит из душевой кабинки.

Я выключаю воду и иду за ним, хотя на волосах остался несмытый шампунь.

Заворачиваюсь в простыню и смотрю, как он протирает окошечко в запотевшем зеркале, достает бритву.

– Вы с Беллой, – говорю я. – Пожалуйста, остановись.

Меня слегка трясет.

Он уверяет, что я все не так поняла: Белла просто хочет обсудить с ним свои проблемы с Ивом.

– А что бы ей не обсудить проблемы с Ивом с самим Ивом?

Джейми поворачивается ко мне:

- Она ему не верит.
- Тогда зачем вышла за него замуж?
- То-то и оно.

Теперь мы единокорны. Обсуждаем пару, которой повезло меньше, чем нам. Я-то верю Джейми, доверяю ему. Простыня падает, я притягиваю его к себе, покрываю поцелуями шею, грудь, губы.

Стук в дверь. Голос Беллы:

- На корте через пятнадцать минут.
- Отлично, – откликается Джейми. И мне: – Не сейчас.

Мы играем в теннис на площадке у отеля. Пока никто не успел возразить, заявляю, что буду играть в паре с Ивом. Мы все сильные игроки, поэтому кто как разделится, роли не играет. Однако, произнося эту фразу, я смотрю Белле в лицо. И улыбаюсь.

Восхищаюсь подачами Ива. Он – моими. Мы как бы заодно. У нас как бы уговор, даже заговор. Кружок посвященных. Мы подаем друг другу *тайные знаки*. На той стороне корта Белла начинает сильно ошибаться.

После тенниса проходим мимо бассейна, и Белла опускается на колени, словно собираясь побрызгать в лицо водой. А вместо это брызгает в Джейми. Он в ответ. Потом она. Затем он. В конце концов Джейми сталкивает Беллу в бассейн.

Охранник дует в свисток.

Белла поднимается по лестнке; мокрые волосы облепили голову словно шлем. И конечно же, сквозь мокрую белую рубашку просвечивают груди.

- Посмотри, что ты наделал, – говорит она Джейми.

Посреди ночи я просыпаюсь от поцелуя. По нашей привычке тянусь включить свет, но он перехватывает мои руки и притягивает к себе.

Когда Джейми засыпает, иду в ванную. Зажигаю сигарету и звоню брату – именно он нас познакомил.

Генри берет трубку после первого же гудка – словно ждал.

Я рассказываю ему про дом, про окружающие виды, про мангустов. Тараторю, просто чтобы удержать его у телефона, и он это понимает. В конце концов рассказываю, как Джейми столкнул Беллу в бассейн.

- Уверен, он это просто так, – говорит Генри.
- Вряд ли.
- Ты сама себя накрутила.

Мы оба молчим.

- Ладно. Пойду охранять спальню.
- Джейми на такое не способен.

Я вздыхаю.

- А мне кажется, ему эти игры нравятся.

Даже лучшего из всех мужчин, заверяет брат, тянет к чужим женщинам.

В его голосе слышится упрек: такая взрослая, а не понимаешь! Я вообще готова кого-то любить?

Протирая после завтрака посуду, Белла прижимается к Джейми.

Позже, в нашей комнате, я говорю:

- Будет лучше, если Белла перестанет тебя лапать.
- В Европе так принято.

– Угу. В Европе.

Днем я сообщаю Иву, что хотела бы купить духи для подруги. Он отвозит меня в город, но магазин закрыт.

Поэтому мы идем в бар – тот самый, со столиками у воды. Я пытаюсь вызвать его на откровенность – бесполезно.

– Ты такая юная, – говорит он мне. – Даже для своего возраста юная.

Описывать меня мне у него получается добродушно и как-то даже почти по-отечески.

Я завожу свою обычную песню: про дружную любящую семью, про традиции, в которых выросла. И неожиданно даже для себя признаюсь:

– До Джейми я боялась секса.

Я бы продолжила, однако Ив мягко касается моего запястья, нежно проводит по коже пальцами.

Я тоже испытываю желание – и все же убираю руку. Не из страха, не из любви к Джейми – просто этого требуют мои представления о приличиях.

После ужина я сама вызываюсь помыть посуду. Ив вытирает. Он сидит на стуле и наблюдает, как я счищаю с тарелок остатки еды. Я чувствую его взгляд.

– Не смотри на меня так.

– Где карты? – доносится голос Беллы. – Можно сыграть в покер.

Ив выносит на веранду карточный столик. Белла готовит «фишки»: оливки и пластмассовые шпажки-зубочистки.

Я рассказываю Иву, что играть меня учили бабушка с дедушкой. В детстве.

– Наверное, это не настоящий покер, а местечковая версия.

Белла перебивает:

– Давайте начинать.

– Я в карты не очень умею, – снова говорю я.

– Ну покер – это не совсем карты, – замечает Джейми. – Это игра на умение распределять деньги.

Каждый кладет в центр стола оливку.

– Семикарточный стад, хай-лоу? – спрашивает Белла.

Она раздает каждому по две карты рубашкой вверх и одну вверх картинкой.

– Хоть объясните мне правила, – прошу я. – Как у вас тут положено распределять деньги?

Ив начинает:

– Вот: пара, две пары, три пары вида... – Он запинаясь и смотрит себе на руки. – Есть стрит, флеш...

– Делают ставки, – подсказывает Белла.

– Это игра на мозги. – Джейми ставит на кон оливку.

Игра меняется с каждым раундом, и я оставляю всякие попытки разобраться. Мысленно назначаю себя Главным Неудачником – в кино такие проигрываются в пух и прах, а потом спасаются от кредиторов, убегая по крышам вагонов. Ставлю на кон уже не оливки, а шпажки. Сдает Ив; он удивляется, что я пасую, однако карты мои видеть не может. Одними губами шепчу ему: «Пусто». И пожимаю плечами: ну вот так не везет.

Зной все сильнее. На конец весны совсем не похоже – скорее на середину лета. Белла переодевается в черное платье без рукавов, облегающее, как гидрокостюм. Ив то и дело встает, чтобы подлить нам. Свои карты он всякий раз забирает и носит с собой до бара и обратно, иногда засовывая в карман шорт. Стопка добычи рядом с Джейми растет; это объясняется не столько его везением, сколько поведением Беллы. Объявив пас, она поднимается, встает за

спиной Джейми, заглядывает через плечо в его карты и водит его рукой, выбирая нужную. Уже можно уходить, ведь я полностью проигралась. Бросаю фишки-оливки в рот, начинаю жевать.

Белла поворачивается ко мне:

– Скучаешь?

– Ну...

– Можно поменять игру. – Она тасует колоду. – Хочешь?

– Да!

– Ну тогда играем на раздевание. Покер, пять карт, безо всякого хай-лоу.

– Слушайте, – протестую я. – Если это из-за меня...

– Нет, – бросает Белла. – Ты права. Было скучно.

Ив забирает мой стакан.

Верчу головой. *Привет, Джейми, это я, Джен.*

У него пустой взгляд.

Какие там мне давали советы по выходу из трудных ситуаций? Вот мамин, на случай, если парни идут вразнос: *«Звони нам, мы приедем и тебя заберем»*. А вот школьного учителя физкультуры, на случай попытки изнасилования: *«Падай на четвереньки и начинай есть траву»*. Угу.

Первые несколько сдач я только пасую и не делаю ставок. Выигрывает Ив, потом Джейми, потом снова Ив. Потом мне приходит три туза. Делаю ставку и выигрываю. Ив передает мне часы Джейми; Джейми подвигает рубашку Ива, белую в желтую полоску, хлопок такой гладкий, что блестит. А потом наша красотка привстает и вывинчивается из своего гидрокостюма, под которым больше ничего нет.

Я словно слышу, как в голове Джейми стучит в ритме все ускоряющегося сердцебиения: *«Не смотреть, не смотреть»*.

Мне казалось, у Беллы окажутся круглые совершенные груди – как в рекламе, – но они просто обычные и особо не отличаются от моих.

Ив снова приносит освежающее. Джейми уставился в сброшенные карты.

Белла бросает на него короткий взгляд; я вижу, как она зла. Ив начинает следующую раздачу, но она отталкивает карты.

Он собирает колоду, опять тасует и начинает новую раздачу, уже без нее.

Белла поднимается и идет в дом. Неровной походкой, словно на высоченных каблуках.

Я жду, что Ив пойдет следом. Он не двигается с места.

Я тоже остаюсь. Безо всяких правил делаю ставки, выигрываю и проигрываю. А потом у меня не остается ничего, кроме одежды. Тогда я говорю:

– Я все.

– Нельзя, – заявляет Ив. – Не по правилам. Если кто-то уже раздет, выходить из игры нельзя. У меня фулл. – Он открывает мои карты. – Пара десятков.

– Надо было раньше предупреждать!

Ив пожимает плечами:

– Одежда – это просто трофей.

Я собираюсь возразить:

– Это не трофей! – А получается: – Я не трофей!

– Ив... – цедит Джейми.

Я не узнаю его голос. Так начинают драку.

Из-за раздвижной двери Белла решительно говорит:

– Думаю, гостям пора отдыхать. Они устали.

В доме темно, и я едва различаю ее халат.

Ив неподвижен. Белла распахивает дверь, подходит к столу и сгребает разбросанные карты.

– Мы все устали.

Я поворачиваюсь к ней. Так нервничаю, что горло пережало и голос звучит хрипло.

– Слушай, все всем понятно: ты хочешь переспать с Джейми, чтобы Ив приревновал. Ведь так? И это я хоть как-то могу понять и принять. – У нее такой ледяной взгляд, что я запинаюсь. – Но тогда Ив будет помогать меня, а этого я принять никак не могу.

Джейми качает головой.

Ив смотрит с раздражением.

Белла растерянно моргает.

Мы в комнате наверху, вдвоем. Я замираю у окна. Ничего уже не знаю. Джейми раздевается и чистит зубы. Потом подходит ко мне сзади, наклоняется, целует в шею.

– Ты бы хотел, чтобы я промолчала?

– Думаю, Белле сейчас очень плохо. – И добавляет после паузы: – Не всегда и не все надо произносить вслух.

Он меня поучает?

Джейми целует меня в макушку.

– Ложись спать.

Я не двигаюсь с места.

Под утро похолодало, небо светлеет. В такой час веришь, что стоит пристально посмотреть на звезды, и они растворятся.

Джейми продолжает делать вид, что они с Беллой просто хорошие друзья и она вовсе не пытается его соблазнить, а я все придумала.

Ложусь рядом с ним, не сняв белья.

Джейми засунул голову под подушку. Он тоже не спит.

Когда после полудня я просыпаюсь, беллодрама уже в прошлом. Трое завтракают на веранде. Солнце вовсю жарит; вода сверкает и бликует. На столе фруктовый салат и сок.

– Привет, малыш, – говорит Джейми.

– Привет, – здороваюсь я со всей компанией.

Обхожу стол, иду к пустующему стулу. Мимо Джейми, который тянется ко мне, словно мы счастливая пара, и отдых восхитительный.

Ив ставит передо мной чашку кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.